

Лондон 1944 года сильно отличался от того, в котором выросла Гермиона. Пока такси медленно ехало по Юстон-роуд в сторону Кингс-Кросс, она не могла отделаться от ощущения, что находится на съёмочной площадке. Гермиона и Сердик аппарировали на Косой Переулок, а не пытались бороться с толпой у крошечного места Аппарирования на самом Кингс-Кроссе. С тех пор как Гермиона приехала в Волшебный Лондон, она мало что видела, и реальность войны прошла мимо неё.

В магловском Лондоне она была повсюду: разрушенные здания, мужчины и женщины в военной форме, плакаты. Даже найти такси оказалось сложнее, чем она ожидала, - возможно, из-за ограничений на бензин, о которых она узнала слишком поздно.

Даже без вездесущих признаков воюющей столицы город был другим.

За тридцать пять лет до ее рождения все казалось чище и грязнее одновременно. Она ощущала отсутствие небоскребов, которые еще предстояло построить, магазинов, достопримечательностей, светофоров, уличных знаков, которых не существовало. Ткань города начала рваться, но еще не была переплетена заново.

Солнце освещало улицы, пробиваясь сквозь тонкий серый слой облаков и смога, висевший над городом, и подчеркивая перемещение, которое она чувствовала в этой странной темной зеркальной версии своего дома. При всех его отличиях, подумала она, любясь старомодным автобусом, проезжавшим мимо, он все еще узнаваем, до боли похож на Лондон.

Прибытие на Кингс-Кросс в восьмой первый сентябрьский день ее жизни оказалось куда более пугающим, чем первый. Тогда она была взволнована и полна надежд, ожидая, что наконец-то почувствует, что где-то принадлежит себе.

На этот раз все, что она делала и говорила, должно было быть безупречным. На кону стояла не только ее жизнь.

"Мы здесь, Сердик, - сказала она, с удивлением заметив, что он заснул. Он любил вставать рано не больше, чем Рон.

"В чем дело, старушка?" - спросил он с трудом.

"Я сказал, что мы здесь!"

Он помахал водителю (который, при ближайшем рассмотрении, выглядел слишком молодым, чтобы возить их) горстью денег, а затем с удивительным проворством выпрыгнул из такси.

Пока мужчина пересчитывал деньги, Гермиона молча сделала свой сундук легким, как перышко, и сама подняла его. Сердик каким-то образом умудрился зацепиться за багажную тележку и отбивался от слишком ретивого носильщика, который то ли почувствовал деньги по

её странной одежде, то ли увидел, что её притворный отец слишком много размахивает ими перед водителем.

Гермиона вздохнула и пошла его спасать. Магл легко отделался от неё, как только увидел новую амбарную сову, скребущуюся в клетке. Она хотела завести кошку, но у нее все еще оставалась слабая надежда вернуться в свое время. Совы менее склонны оплакивать потерю хозяина, чем кошки.

Ив, станция была другой. И дело было не только в поверхностных различиях: носильщики, вывески, одежда людей, сами поезда, огромные клубы пара. Странно приятное ощущение, что она приехала с Сердиком вовремя, без нервов и без сопровождения оравы ссорящихся Уизли. Это отличалось от того первого раза, когда её родители были так любопытны, что все трое сомневались в реальности происходящего, пока она не села в поезд. Ее дорогие, обычные, немного неловкие родители-магглы, родители, которые будут скучать по ней.

Пока они шли по вокзалу, Сердик рассказывал ей о том, как они делали это в свое время, и болтал, чтобы отвлечь ее от нервного напряжения, она держалась за это воспоминание. Он действительно был добрым; один из самых добрых людей, которых она когда-либо встречала. Она гордилась своим происхождением и своими родителями, и все же выбор Дамблдора в качестве приемного отца был мудрым.

"Спасибо, что привели меня сегодня", - сказала она, пока они ждали, пока группа маглов отойдет, чтобы пройти через барьер. Казалось, они были необычайно устойчивы к многочисленным чарам внимания и отвлечения, наложенным на него. "И спасибо вам за все, что вы сделали за последние несколько недель. Вы были чрезвычайно добры, учитывая, что я только что попал к вам".

"Что это? Не глупи, дитя, это было очень весело. Я и забыла, как сильно люблю людей, особенно Альбуса. Я думаю, тебе лучше получить это перед отъездом. Я положил на твой счет в Гринготтсе небольшую сумму на все, что тебе, юной особе, сейчас нужно".

Он протянул ключ и небольшой пакет, но она заколебалась и не взяла его.

"Ну же, не будьте сентиментальны. Для чего еще я собираюсь его использовать?"

Судя по тому, что она поняла, это было справедливо: Сердик унаследовал немалое состояние, но при этом весьма преуспел в своей тайной алхимической работе. Взяв ключ и мешочек с галеонами, Гермиона поблагодарила его еще раз, после чего маглы исчезли, и они поспешили пройти через барьер.

Оглядевшись по сторонам, Гермиона подумала, что студентов здесь, должно быть, больше, чем в ее время. Платформа была переполнена ими, большинство из них уже облачились в свои шляпы и длинные черные мантии, а до отправления поезда оставалось еще двадцать минут. Им пришлось пробиваться сквозь толпу, чтобы найти свободное купе в самом конце.

"Не читайте слишком много, моя дорогая. Нужно подышать свежим воздухом и все такое". Плюшевый голос Сердика был печален, и Гермиона подумала, не будет ли он скучать по их с Альбусом компании. В конце концов, он уже много лет не проводил время с настоящими людьми.

"То же самое можно сказать и о вас, Цербер, отец: как говорится, чайник на чайник! Не могли бы вы прислать мне результаты эксперимента с семью металлами? Я бы хотел их увидеть, это было очень увлекательно".

Его лицо расплылось в теплой улыбке, и, к удивлению Гермионы, он быстро обнял ее. Возможно, подумала она, если ничего хорошего из этого не выйдет, её присутствие принесёт старому отшельнику пользу.

Очень скоро кондуктор дал свисток, и она высунулась из окна, чтобы помахать ему на прощание, а поезд унесся прочь, поднимая пар в облака и оставляя Гермиону одну.

<http://tl.rulate.ru/book/114689/4441675>